

КОРПОРАТИВИЗМ КАК СТРУКТУРНАЯ ФОРМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

Вад. И. Петров

Волгоградская академия государственной службы

В работе описываются основные ресурсы, используемые российскими региональными элитами в политическом процессе. Оригинальность авторского подхода к поставленной задаче состоит в том, что система внутри- и межэлитного взаимодействия рассматривается как относительно устойчивая и самовоспроизводящаяся форма местного (регионального) корпоративизма. Автор приходит к выводу, что в российских регионах ядро региональной системы политических взаимоотношений образует политико-административная элита, а бизнес и промышленность лишь обозначают контуры патрон-клиентных отношений в регионе.

Ключевые слова: корпоративизм, политическая элита, региональная элита.

CORPORATIVISM AS A STRUCTURAL FORM OF FUNCTIONING AND REPRODUCTION OF REGIONAL ELITES

Vad. I. Petrov

Abstract. This paper describes the basic resources used by Russian regional elites in the political process. The author's approach to the problem is original in that he considers the system of interactions inside and between elites as a rather steady and self-reproducing form of local (regional) corporativism. The author comes to the conclusion that in Russian regions the nucleus of regional system of political interrelations is formed by the political and administrative elite, while the business and industry only designate contours patron-client relations in the region.

Key words: corporativism, political elite, regional elite.

Российский исторический опыт демонстрирует, что именно правящая элита в решающей степени определяет будущее и настоящее развитие государства. Подавляющее большинство российских революций, реформ и преобразований инициировались "центром". Наиболее яркими подобными примерами могут выступать: реформы Петра Великого, преобразование Александра II, кризис и революция 1917 г., коллективизация, социалистическое строительство, перестройка, шоковая терапия во времена Ельцина. Первичность политической сферы по отношению к социально-экономической и культурной – основной признак, отличающий Россию от модели европейского цивилизационного развития [8].

Исследователи отмечают, что для России характерен мобилизационный тип развития [1, 2], и выделяют следующие факторы, обусловившие развитие России по пути форсированной догоняющей модернизации: относительно низкая производительность труда в базовых секторах экономики вследствие неблагоприятных природно-климатических условий; преимущественно экстенсивный тип воспроизводства; высокая удельная энергоёмкость хозяйственной деятельности; слабая коммуникативная сеть; государство – главный субъект модернизации; враждебное окружение; клиентелизм как базовая матрица социальной организации российского общества.

Эта модель взаимоотношений между обществом и государством воспроизводилась на всех уровнях политико-административной системы, задавая модус поведения региональных элит и местного населения.

Региональные политические элиты в современной России оказывают серьезное воздействие на формирование и осуществление политики на различных уровнях. По мнению О.В. Гаман-Голутвиной, присущие элитам интересы, ценности и целевые установки являются важнейшими факторами принятия политических решений [7].

Практика показывает, что нередко в политическую элиту приходят вовсе не самые лучшие и достойнейшие, с точки зрения профессиональных и ценностных качеств, представители. Избиратели голосуют не за конкретного человека с его достоинствами и недостатками, а скорее за продукт политтехнологов. То есть в период избирательных кампаний побеждает, как правило, тот претендент, "политическая и социальная обертка" которого, созданная специалистами политического PR, больше нравится избирателю в конкретных условиях. Поэтому из множества определений концепта элиты нам представляется наиболее приемлемым и эвристически ценным функциональный подход.

На наш взгляд, региональная политическая элита – социальная группа, обладающая необ-

ходимыми ресурсами (политическими, экономическими, административными и др.) и являющаяся субъектом подготовки и принятия важнейших политических решений.

С распадом Советского Союза и формированием подлинной системы децентрализованной и асимметричной федерации региональные политические элиты получили правовое обоснование власти в форме конституционно закрепленных институтов власти: статус субъектов Федерации, выборность глав регионов и парламентов, участие в работе Совета Федерации РФ, возможность воздействия на общероссийские органы власти в регионах – прокуратуру, суды, ФСБ, милицию [5].

Во многих республиках России рост полномочий элит взаимоусиливался этнизацией их состава в пользу так называемых титульных наций [6].

В результате в ходе формирования постсоветского общества элиты диверсифицировались, закрепив децентрализованную модель межэлитных отношений по вертикали.

К середине 90-х гг. XX в. провал "кадровой революции" периода распада СССР уже не вызывал сомнений среди региональных элит. Несмотря на жесткие ограничения выборности губернаторов и парламентов, региональный уровень элит был более близок в плане преемственности с советской номенклатурой, чем федеральный. Исследование состава элиты на основе позиционного метода, проведенное О.В. Крыштановской в 1994 г., выявило наибольшую номенклатурность региональной элиты [9].

К субъектам региональной элиты, по мнению Н.Ю. Лапиной и А.Е. Чириковой, относятся [10]:

- 1) глава исполнительной власти и его клиента;
- 2) представители региональной бюрократической элиты в органах исполнительной власти (администрации, правительстве и их структурных подразделениях);
- 3) члены законодательных органов региона (спикер законодательного собрания, председатели и сотрудники комитетов, депутаты);
- 4) представители региональных отделений федеральных структур (Министерства обороны, МВД, ФСБ, налоговых служб, прокуратуры и т. д.);
- 5) крупные предприниматели, занимающие ключевые позиции во владении и распоряжении собственностью региона; руководители фирм регионального уровня, представители общероссийских и транснациональных корпораций; собственники, менеджеры и крупные акционеры;
- 6) руководители неправительственных организаций, партий, средств массовой информации;
- 7) организованная преступность, ее участники.

Таким образом, политические элиты на уровне регионов не представляют собой однородной по социальному статусу и функциям

группы. Краткий обзор их сущности свидетельствует о неустойчивом состоянии элит постсоветского времени. Вместе с тем сегменты элиты имеют своеобразное разделение функций [4].

Формирование и воспроизводство элит – непрерывный процесс. Сюда входят: рекрутирование, внутриэлитная консолидация и мобильность, институционализация и легитимация элит.

Рекрутирование политических элит как разновидность политического рекрутирования есть процесс вовлечения индивидов и групп в активную политическую деятельность.

Рекрутирование элиты проходит путем назначения на влиятельные должности либо посредством выборов, но нередко в российской действительности выборы закрепляют предварительную договоренность о кандидате-победителе. Важным ресурсом в рекрутировании элит является имеющийся у кандидата политический опыт. Кроме этого, значительную роль в рекрутировании элит играет возраст, пол, образование.

Источники внутриэлитной консолидации зависят, прежде всего, от преобладающих типов региональной политической культуры. Для республик с преобладанием "титульных" народов такие источники часто – родство, землячество, общий язык и социально-профессиональное происхождение. Общим качеством для всех элит следует признать личную преданность лидеру и иерархию полномочий внутри клиентелы.

Во многих регионах России преобладает номенклатурный принцип элитообразования. Способы рекрутирования элит зачастую зависят от личных предпочтений руководителя, т. е. основаны на патрон-клиентных отношениях. По мнению Д.В. Бадовского и А.Ю. Шутова, причины прочности номенклатурного принципа – не только в субъективном миропонимании правящих элит [3]. Во многих регионах просто слаб "политический рынок", слабо развита инфраструктура конкурентной политики. В основе внутриэлитного единства четко прослеживаются отношения личной зависимости и преданности патрону. Именно личная преданность лидеру – основной неформальный механизм рекрутирования правящих групп. Вместе с тем политическая элита региона обычно разделена на множество соперничающих кланов.

Под ресурсами принято понимать все материальные и социокультурные факторы власти, которые придают ей вес и реальное господство в обществе ("капиталы" различного свойства) [12].

Ресурсы подразделяются на виды по области и характеру проявления: экономические, политические, административные и информационные.

Экономические ресурсы зависят от природно-географического своеобразия региона, от степени контроля элит над ресурсной базой, от сложившейся экономической системы. В зависимо-

сти от ресурсной базы выделено 5 групп региональной элиты, имеющих различные интересы и способы их отстаивания (классификацию провели Н.Ю. Лапина и А.Е. Чирикова) [10]:

1. *Элиты регионов с развитой добывающей промышленностью, ориентированной на экспорт* [Башкортостан, Татарстан, Республика Саха (Якутия), Коми, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Красноярский край]. Они контролируют высокоприбыльное природное сырье (нефть, газ, алмазы, лес, руды и т. д.). Заинтересованы в максимальной интеграции России в мировую экономику, создании оффшорных и льготных налоговых зон, снижении своих отчислений в федеральный бюджет, стремятся увеличить собственную хозяйственную независимость, создать замкнутый "регион-корпорацию".

2. *Элиты торгово-промышленных регионов, узлов коммуникаций страны* (Москва и Санкт-Петербург; "окна в мир" – Приморский край; Архангельская, Мурманская, Камчатская области). Активно вовлечены в мировую торговлю, транспортные и информационные связи. Заинтересованы в приоритетном развитии третичного сектора: финансов, торговли, сервиса, наукоемких производств. Ключевую роль среди всех регионов играет Москва, которая активно проводит экономическую и политическую экспансию в регионы. Не заинтересованы в ликвидации регулирующей роли центральной власти. Скорее, они хотят получить привилегии за счет своих конкурентных преимуществ.

3. *Элиты промышленно-развитых регионов с преобладанием перерабатывающих отраслей* (Свердловской, Пермской, Челябинской, Новосибирской, Томской, Самарской, Нижегородской областей, Удмуртии, Чувашии и т. д.). Заинтересованы в притоке инвестиций для коренной модернизации производства, в федеральном протекционизме на внешних рынках. Отраслевая неоднородность этой группы регионов делает их элиты разнообразными по стратегиям и ориентациям. Одни элиты выражают надежды на государственную опеку (Омская, Иркутская, Свердловская области), другие больше надеются на трансграничное сотрудничество со странами Запада (Карелия, Нижегородская область).

4. *Элиты аграрных и агропромышленных регионов* (области Центрального Черноземья, Южного Урала и Забайкалья, Дона, Кубани, Ставрополья, Нижнего Поволжья). Их конкурентные преимущества – плодородная земля, достаточно квалифицированная и обширная рабочая сила, потенциал туризма и коммуникаций. Вместе с тем межотраслевое ценообразование таково, что делает аграрный сектор низкодоходным. Больше других страдают от бесконтрольной миграции, этнических конфликтов. Элиты регионов

занимают государственно-протекционистские и центристские позиции, часть из них получает дотации центра.

5. *Элиты депрессивных регионов* (республик Северного Кавказа, Калмыкии, Алтая, Тувы, Бурятии, автономных округов: Корякского, двух Бурятских, Коми-Пермяцкого, Еврейской АО). При слабости природного и экономического потенциалов элиты делают ставку на получение дотаций из федерального бюджета. Регулирование внутреннего рынка региона жестко-корпоративное, развит административно-клановый бизнес.

Методы наращивания экономических ресурсов властных элит – контроль над сбором налогов и региональным бюджетом, участие элит и их "доверенных лиц" в приватизации и управлении имуществом, предоставление субсидий и кредитов лояльным бизнес-слоям, лицензирование предпринимательской деятельности и др. С другой стороны, финансирование политического рынка предпринимателями, лоббирование нужных законов и управленческих решений, а в крайних формах – "приватизация власти" со стороны финансово-промышленных групп [7].

Как отмечают Н.Ю. Лапина и А.Е. Чирикова [10] к *политическим* ресурсам влияния региональных элит относятся: представительство в органах федеральной власти и способность влиять на решения федерального центра; контроль над принятием решений регионального уровня; обладание консолидированной политической поддержкой в регионе.

Административными ресурсами региональных элит являются: регулярные консультации губернатора с представителями федеральных ведомств в регионе; финансирование из регионального бюджета федеральных ведомств в субъекте РФ; вытеснение оппозиции из легальных форм активности (затрудненное участие в выборах, публикации в свободной печати); подчинение всех ветвей и органов власти региона исполнительной власти; представительство в региональных парламентах служащих исполнительной власти, мэров и чиновников муниципалитетов, лояльных предпринимателей; наличие внутри администрации структур, координирующих отношения между партиями в интересах "партии власти"; контроль глав регионов и их администраций над избирательными комиссиями.

Информационными ресурсами региональных элит выступают: контроль исполнительной власти над ведущими СМИ, создающий монополию в информационной среде региона; создание региональных идеологий как обоснование власти; влияние на образовательную сферу региона (среднее и высшее образование); использование влияния преобладающих религий; дея-

тельность аналитических подразделений властных органов и лояльных власти исследователей.

Последние тенденции развития политического ресурса элит регионов – рост влияния федерального центра на партийную систему, законодательство, сеть избирательных комиссий.

Источники качественно новых пополнений элит видятся в независимых от административного патронажа представителях бизнеса, молодых интеллектуалах и менеджерах. Нередко включения предпринимателей в политическую элиту поощряются официальной властью региона. Губернаторы таким образом "отрабатывают" свои предвыборные обязательства перед крупным бизнесом.

Если во второй половине 1990-х гг. многие аналитики отмечали самодостаточность и замкнутость элиты, то теперь отмечается противоположная тенденция разнообразия каналов пополнения элит. Можно говорить о подвижном равновесии номенклатурной и конкурентной моделей рекрутирования. Сегодня решающую роль в деле продвижения в региональную политическую элиту по-прежнему играют не личные достоинства, а принадлежность к команде, социальной группе, клиентеле. А это, по сути, объясняется не сиюминутными прихотями субъектов власти, но веками сложившейся системой корпоративизма.

Корпоративизм есть система представительства интересов, составные части которой организованы в особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, признанных или разрешенных (иногда и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженности [11, 12]. Особую роль в этом процессе играют различные ассоциации с постоянным штатом, которые специализируются на выражении интересов и занимаются выявлением, продвижением и защитой их посредством влияния на политику. Говорить о корпоративности можно в том случае, когда ассоциации интересов организованы и (или) участвуют в про-

цессе принятия решений на различных уровнях государственной власти.

Таким образом, мы видим, что в российских регионах корпоративизм – структурная форма рекрутирования, организации, деятельности и самовоспроизводства региональных элит. Ядро региональной системы политических взаимоотношений образует политико-административная элита, бизнес и промышленность лишь примыкают к ядру, обозначая контуры и границы патрон-клиентных отношений в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: исслед. клиентар. отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм. рос. государственности, их влияния на полит. ин-ты и деятельность властвующих групп в соврем. России – 2-е изд., доп. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. – 317 с.
2. *Афанасьев М.Н.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России (курс лекций) / Акад. пед. и социал. наук. Моск. психол.-социол. ин-т. – М.; Воронеж: Изд-во ин-та практ. психологии; Модэк, 1996. – 224 с.
3. *Бадовский Д.В., Шутов А.Ю.* // Кентавр. – 1995. – № 6. – С. – 5.
4. *Барзилов С.И., Чернышов А.Г.* Политическая структура современной российской провинции. – М., 1997. – С. 30–31.
5. *Бахлова И.В.* // Политология. – Саранск. – 2002. – С. 211–212.
6. *Галлямов Р.Р.* // Полис. – 1998. – № 2. – С. 108–115.
7. *Гаман-Голутвина О.В.* // Полис. – 2004. – № 2. – С. 6.
8. *Гаман-Голутвина О.В.* // Элитизм в России: "за" и "против". – Пермь, 2002. – С. 65–76.
9. *Крыштановская О.В.* // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 51–65.
10. *Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.* Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. пробл. Отд. глоб. пробл. – М., 1999. – 192 с.
11. *Перегудов С.П.* Корпоративный капитал в российской политике // Полис. – 2000. – № 4.
12. *Перегудов С.П.* Корпорации. Общество. Государство: Эволюция отношений. – М., 2003. – С. 220–221.
13. *Перегудов С.П.* Крупная российская корпорация в системе власти // Полис. – 2001. – № 3.